

Спасение Серого

День выдался морозным, с утра—ниже тридцати. Светлана Олеговна бодро вышагивала по тротуару к аптеке, где ей надо было забрать выписанные лечащим врачом лекарства. Обгоняющие её и идущие навстречу прохожие с заиндеветыми бровями и ресницами выдыхали облачка пара. Все едущие по широкому проспекту машины также клубились дымным паром. Но поток их сегодня был не очень плотным—многие водители не смогли или не захотели завести свои механические «повозки» и поехали на работу или по каким-то иным делам на общественном транспорте.

«Мяу-у-у-у! Мяу-у-у-у-у-у-у-у-у!»—услышала вдруг Светлана Олеговна отчаянный кошачий вопль. Повертела головой и увидела: под окном одной из квартир протянувшегося вдоль тротуара девятиэтажного панельного дома, на испещрённом окурками снегу, сидел крупный и гладкий кот, белая шубка которого была разукрашена серыми пятнами. Он смотрел вверх, явно на первый этаж, и время от времени жалобно взывал к тем, кто находился в тепле за этим окном.

Но форточка была закрыта, и никто бедного замерзающего кота не слышал. Было похоже на то, что его выпустили сходить «по нужде» на улицу, да и забыли впустить обратно, или он сам сиганул через форточку, когда та была открытой, на свежий воздух, а вот теперь просился обратно. Но никто его, бедолагу, не слышал, как он ни надрывался.— Ах ты ж, бедолажка!—пожалела плачущего зверя Светлана Олеговна и шагнула к нему с тротуара—до дома было рукой подать.

Удивительно, но кот не стал от неё убегать, а примурлыкивая, принялся тереться о её ноги.— Замёрз? Домой хочешь?—участливо спросила женщина.

«Мур-р-р!»—подтвердил кот, задрал круглую голову.

— Сейчас попробуем вернуть тебя твоим непутёвым хозяевам. Это ж надо: добрый хозяин собаку в такую погоду на улицу не выпустит, а эти теплолюбивого котика выставили! Сейчас, маленький, сейчас!

Светлана Олеговна сначала негромко, а потом всё смелее стала кричать в сторону того окна, под которым сидело замерзающее животное:

— Эй! Э-ей! Заберите вашего кота!

Но никто не появился и не отозвался там, за стеклом. И тогда Светлана Олеговна решила хотя бы запустить кота в подъезд. Определить местонахождение подъезда было нетрудно: окна квартиры, куда просился кот с улицы, располагались с самого края—значит, первый. Она пошла туда и позвала за собой кота:

— Кис-кис, пошли домой!

Этот кот всё понимал и тут же засеменял за Светланой Олеговной. Они обогнули дом и подошли к подъезду. Дверь была с домофоном. Но это не беда—всё равно кто-то же должен выйти из подъезда или войти. И женщина с котом стали ожидать этой оказии, время от времени посматривая друг на дружку.

Спустя пару минут дверь точно открылась, и из подъезда вышел... изумительно красивый голубоглазый хаски с насупленными бровями. Он вёл на натянутом поводке за собой хозяина.

Но каким бы хаски ни был красавцем, он остался псом. И, завидев кота, тут же показал свои белые острые клыки и рыкнул, рванувшись вперёд—хозяин едва удержался на ногах.

Светлана Олеговна не успела оглянуться, как только что трущщийся о её ноги кот мгновенно исчез—ну вот просто как молния сверкнул, и исчез.

Красавец хаски и его хозяин как ни в чём не бывало проследовали во двор по своим делам мимо оторопевшей женщины. А она, как ни крутила головой, высматривая, куда же мог деваться кот, как ни кискикала, так и не обнаружила его. Выходило, что её миссия по спасению замерзающего животного бесславно провалилась! И она напрасно топталась всё это время у чужого дома, вместо того чтобы быть уже в аптеке и забрать нужные лекарства.

Раздосадованная Светлана Олеговна туда и направилась, с надеждой думая о том, что хозяева всё же хватятся своего Мурзика, Барсика ли—как они там его называют?—и заберут, наконец, домой.

Аптека была в сотне метров от того дома, возле которого она задержалась. И вскоре женщина, сама порядком продрогшая, уже блаженствовала в хоть и пропахшем лекарствами, но тёплом помещении. Народа в аптеке практически не было,

если не считать сгорбленной бабуши у окошечка провизорши. Впрочем, она скоро ушла, и её место заняла Светлана Олеговна.

Забрав пару упаковок с лекарствами для заболевшего мужа и немного отогревшись, она отправилась домой. Путь её лежал мимо того же дома. И Светлана Олеговна слабо ахнула, когда увидела знакомую картину: под окнами той же квартиры сидел тот же серо-белый кот и так же отчаянно мяукал.

— Вот сволочи! — ругнулась Светлана Олеговна. — Неужели до сих пор не хватились своего ребёнка?

Своего кота Тёму она называла именно так — ребёнок, хотя тот не был им ни по возрасту, ни по прочим параметрам. Наверное, называла она его так потому, что ухаживала за ним, как если бы он действительно был ребёнком. Нет, нет, настоящий ребёнок у неё был, но он уже давно вырос: сын Владик и сам уже растил своего ребёнка, её внука.

А сейчас Светлана Олеговна жила одна со своим загрипповавшим мужем — тоже, кстати, ставшим от этого большим капризничающим ребёнком. В общем, для неё все, кто нуждался в её заботе и опеке, были ребёнками, так как Светлана Олеговна продолжала оставаться мамой с чутким и добрым сердцем. А сейчас в её поместье нуждался вот этот замерзающий на улице кот. И женщина не могла и не хотела пройти мимо.

Светлана Олеговна снова сошла с тротуара, да и кот, завидев её, сам метнулся к ней и, задрвав вертикально подрагивающий пушистый хвост, с ласковым мурчанием стал тереться о её сапожки. «Если не смогу впустить его в подъезд, заберу с собой! — растроганно подумала Светлана Олеговна. — Ничего, прокормим тебя, Серый (она уже и имя придумала для возможно нового члена своей семьи)! Лишь бы Тёма тебя принял. Да примет, куда ж ему деваться?»

Но сначала надо было попробовать всё же вернуть Серого в родные пенаты. А чтобы он никуда больше не убежал, если его кто-то опять испугает, Светлана Олеговна решила взять кота на руки. Она не успела об этом подумать, как тот сам взлетел ей на подставленные руки!

Женщина засмеялась и, прижав Серого к груди, пошла с ним к знакомому подъезду. Как раз в него входила девочка лет десяти, и Светлана Олеговна шагнула за ней. И как только они поднялись на площадку первого этажа, Серый спрыгнул с её рук и устремился к приоткрытой двери с покосившейся металлической цифрой «2». Оттуда, из этой второй квартиры, где и жил, похоже, кот, слышались негромкая музыка, разрозненные пьяные голоса и сильно пахло табаком.

«Уже с утра празднуют, — неприязненно подумала Светлана Олеговна. — А за бедным котом присмотреть некому!» Она уже хотела было позвонить в открытую дверь и укорить хозяев за

беспечность. Но, завидев, как Серый, даже не оглянувшись на свою спасительницу, тут же юркнул за эту обшарпанную дверь и скрылся в глубине прокуренной шумной квартиры, успокоилась: кто бы и как там ни жил, за этой дверью, это — дом Серого. И кот сейчас дома, а не мёрзнет на улице на тридцатиградусном морозе. А это было главное. — Ну, прощай, Серый! Надеюсь, больше не увидимся, — скорее себе, чем скрывшемуся за дверью второй квартиры с её развесёлыми обитателями коту, негромко сказала Светлана и направилась к выходу.

Надо было спешить домой, где её заботы ждал другой, так некстати перед самыми новогодними праздниками расхворавшийся, большой «ребёнок».

Дело Мурзика

— Ну, Вадим Николаевич, рассказывайте, как дошли до жизни такой.

Лейтенант Захаринский был молод и, по всему, неопытен, но изо всех сил старался показать себя выдавшим виды и много чего понимающим следователем и потому сидел на стуле напротив больничной койки, на которой лежал Вадим, откинувшись на спинку и широко расставив ноги. Белый халат был небрежно накинута на его плечи и, казалось, вот-вот спадёт на пол.

— Кстати, забыл спросить. Как вы себя чувствуете? Болит? А может, вам дать что-нибудь попить?

Следователь потянулся к тумбочке, на которой стоял тетрапак с каким-то соком. И халат с лёгким шорохом всё же соскользнул с его плеч на клетчатый линолеум.

Вадим Карпенко рассеянно покачал головой. — Тогда рассказывайте, как всё произошло, — сказал Захаринский, подбирая халат и неловко накидывая его снова себе на плечи. — И учтите: не в ваших интересах пытаться что-то скрыть...

Вадим вздохнул: да что там скрывать? Всё и так предельно ясно.

В тот день Вадима срочно отправили в командировку. Ехать надо было совсем недалеко от родного города — за триста километров, в посёлок Щебаркуль, где местный комитет по спорту вёл подготовку к проведению областной спартакиады, до которой осталась ровно неделя. Туда вообще-то должен был поехать главный специалист Сигнатуров Максим, но у него жена вдруг срочно вздумала рожать, так что вместо него и пришлось отправить старшего методиста Вадима Карпенко.

Вадим позвонил жене, в двух словах объяснил ей, что вернётся домой через пару-тройку дней, а сам заскочил домой, чтобы быстренько собрать сумку и тут же мотануться на автовокзал. Оставив шофёра дежурной машины обладминистрации Митрохина скучать за рулём, он быстренько поднялся на свой второй этаж, отпер дверь. Под ноги

ему тут же шариком выкатился их всеобщий любимец, совсем ещё маленький чёрно-белый котёнок Мурзик.

Этого забавного кошачьего детёныша дочери Вадима и Марины Карпенко Ольеньке преподнесли в подарок на день рождения их друга Мещеряковы, и никакого иного, может быть, более оригинального, имени для него на общем семейном совете Карпенки придумать не сумели. Впрочем, котёнок был ещё очень глуп и на своё имя пока не отзывался. Но это не мешало четырёхлетней Ольеньке, которая сейчас была в садике, обожать своего пушистого приятеля.

— Куда ты, Мурзик? — проворчал Вадим, ногой легонько подталкивая попискивающего котёнка к входу в гостиную. — В дом иди, в дом! Пойдём посмотрим, что там тебе мама оставила в кормушке. Молочко у тебя там есть?

В это время зазвонил домашний телефон. Он стоял на журнальном столике у дивана. Вадим прошёл к аппарату, снял трубку:

— Слушаю!

Звонил его приятель, заместитель начальника департамента Артём Ивановский. Вадим думал — что-нибудь важное. А Ивановский всего лишь попросил забрать у главы Щербакульской администрации небольшую баночку, с ним он уже договорился.

— А что там такое? — поинтересовался Вадим. — Уже не наркота ли?

— Ну у тебя и шуточки, — обиделся Ивановский. — Жир это барсучий. Любимую тещу буду лечить...

От чего будет лечить свою любимую тещу таким специфическим лекарством его приятель, Вадим выяснять не стал. Но не забыл вырвать у него обещание проставиться парой-другой «Балтики» за услугу. Вадим, как спортсмен в недалёком прошлом — чиновником он стал волей случая всего три года назад по протекции ушедшего на пенсию своего дяди, замглавы администрации, — вообще-то не пил, но пивком, да в хорошей компании, иногда побаловаться любил.

Положив трубку, он вытащил из шкафа свою дорожную сумку, затолкал в неё зубную щётку, пасту, эспандер, недочитанный томик Славы Сэ, пару бутербродов с колбасой и сыром и пошёл к выходу. Уже накидывая куртку, он понял, что его беспокоит: он не слышал и не видел Мурзика, обычно всегда с писком путающегося под ногами. — Мурзик, Мурзик! Кис-кис, котик! — позвал Вадим, одновременно заглядывая за кресла, под стол, потом вообще лёг на пол и заглянул под диван.

Котёнка нигде не было.

— Этого ещё не хватало! — раздражённо пробормотал Вадим, поднимаясь с пола. — Куда ж ты заделался, засранец?

Он вышел в прихожую и обнаружил, что забыл захлопнуть за собой дверь, когда заторопился

к телефону. Мурзик вполне мог выбраться в оставленную щель на площадку. Вадим вышел за дверь. Котёнка не было видно и здесь. Может, он спустился вниз? Или вскарабкался на верхнюю площадку?

Вадим прошёлся до первого этажа, потом вернулся и стал подниматься на третий. И здесь, на переходной площадке, увидел то, отчего его крепкое сердце спортсмена ухнуло куда-то вниз, замерло, а потом заколотилось с бешеной силой.

Мурзик лежал безвольной чёрно-белой тряпичей под стеной и не подавал признаков жизни. Около него образовалась небольшая лужица алой крови, и рубчатые следы этой крови отчётливо впечатались в тёмно-серый глянцевый бетон лестничных ступеней, ведущих на третий этаж.

Вадим мгновенно понял, что здесь произошло. Глупый Мурзик выбрался благодаря неплотно прикрытой двери из квартиры. В это время мимо проходила какая-то сволочь и просто наступила на разгуливающего по площадке котёнка правой... да, правой ногой в тяжёлом ботинке, раздавила его и пошла дальше вверх, оставив следы на лестнице.

Но кому мог помешать безвинный котёнок? Кто этот зверь, походя отнявший жизнь у совершенно безобидного существа? И что Вадим с Мариной скажут своей дочери, которая обнаружит пропажу Мурзика?

Вадим, всё ещё придерживая рукой левую сторону груди, в которой гулко и часто бухало его возмущившееся сердце, осторожно прошёл вверх рядом с ёлочкой кровавых следов. Они оборвались перед дверью двадцать второй квартиры. Она была точно над его квартирой, и в ней, Вадим знал, живёт беспокойное семейство Буртасовых, переехавшее к ним в дом пару лет назад.

Глава семейства Егор работал таксистом, жена его медсестрица в городской больнице. Они растили двоих детей, запуганных таких мальчишка и девочку. Этот Егор был самое настоящее хамло. По выходным напивался, обязательно колотил жену, всё это с шумом, грохотом, истошными криками самих родителей и испуганными воплями детей.

Обычно к ночи они мирились и скрепляли акт примирения бурным сношением где-то далеко за полночь, с непременно постукиванием спинки кровати о стену. Это скотство доставало всех соседей Буртасовых, но потолковать с ним по-мужски пока ещё никто не решался. Поговаривали, что у Егора мутное прошлое и он всегда носит нож в кармане.

Вадим однажды, когда Буртасовы поначалу ещё вели себя более-менее сносно и соседи не отгородились от них безмолвной стеной осуждения и презрения, попросил Егора подбросить его до работы. Он опаздывал на совещание, а Егор как раз садился в свой таксомотор, потрёпанную такую серебристую «тойоту» — он иногда приезжал домой перекусить.

И вот когда они уже почти выехали со двора, откуда-то им наперерез выскочила чёрная кошка. Егор, вместо того чтобы притормозить, как это обычно делает любой нормальный водитель, напротив, газанул и погнался за кошкой, цедя сквозь зубы ругательства. Погоня, конечно же, длилась недолго — кошка перепрыгнула через металлическое ограждение и потерялась в зарослях газона, а Буртасов чуть не врезался в припаркованную машину.

— Ты что, парень, сдурел? — закричал на таксиста, придя в себя, Вадим. — Какого хрена ты погнался за кошкой?

— Ненавижу этих хвостатых тварей! — признался, прикуривая от зажигалки трясущейся рукой сигарету, Егор. — Особенно чёрных. Как увижу, прямо убить готов.

— Ну ты и Шариков! — покачал тогда головой Вадим. — Тебе к психиатру сходить надо.

— Да пошёл ты! — оскорблённо бросил в спину вылезавшему из его машины Вадиму Егор.

Вадим тогда отказался ехать дальше с этим придурком, а поймал другую тачку. С тех пор они делали вид, что не знают друг друга, и даже не здоровались при редких встречах.

А сейчас у Вадима не было и капли сомнения в том, что так рано оборвавшаяся жизнь Мурзика — дело рук, вернее, ноги Егора.

На всякий случай Вадим спустился на межэтажную площадку, где продолжало остывать тельце бедного Мурзика, и посмотрел через подъездное окно вниз: точно, знакомая серебристая «тойота» с жёлтым таксистским гребешком на крыше была припаркована впритык к детской площадке.

Это он, Егор! Приехал пожрать и, увидев на площадке Мурзика, просто так, из-за того, что не любил кошек, взял и растоптал его. Вадим представил, как будет захлёбываться от слёз его дочь, когда узнает, что котёнок пропал (настоящую правду он ей, конечно, никогда не скажет), как расстроится Марина.

— Ну, козёл, погоди! — выдохнул Вадим и, осторожно взяв в руки изломанного, растоптанного котёнка, снова поднялся к двери Буртасовых.

Лишь бы он был дома один. Да, впрочем, так и должно быть: время было около двенадцати, дети этого уроды были одна в садике, другой в школе, жена на работе, а сам он, как обычно, заехал домой перекусить.

Вадим глубоко вдохнул и нажал кнопку звонка. Удивительно, но дверь почти тут же распахнулась. Егор предстал перед Вадимом, держа в руке один из своих тяжёлых ботинок с рифлёной подошвой. Вот почему он так быстро открыл дверь: находился рядом, в ванной, где смывал кровь Мурзика с подошвы. Она была мокрой, и с неё на коврик прихожей капала мутная вода.

— Твоя работа?

Вадим поднёс к изменившемуся лицу Егора трупик котёнка с безвольной болтающейся головой.

Но замешательство Буртасова длилось недолго, он тут же взял себя в руки, а лицо его приобрело обычное для него презрительно-наглое выражение. — Да пошёл ты! — рывкнул Егор, резко ударяя зажатым в своей руке ботинком по котёнку.

Мурзик вылетел из руки Вадима и, мягко удившись о стенку, упал на пол.

— Чего ты мне припёр эту дохлятину сюда? Следить надо за своими кошками, а то шляются под ногами! Пошёл, говорю, отсюда на хрен!

И грубо толкнул тем же ботинком Вадима в грудь...

— То есть он вас первым ударил? — прервав рассказ Вадима, задал уточняющий вопрос следователь, всё это время молча делающий торопливые пометки у себя в блокноте. — Это очень важно. И ещё: кто-нибудь видел, как потерпевший вас ударил? — Да, он первым меня толкнул, — садясь на кровати и держась рукой за побаливающий бок, затянутый бинтами, хмуро подтвердил Вадим. — Но этого никто не видел. Мы же там были только вдвоём.

— Это уже хуже, — вздохнул лейтенант и почесал шариковой ручкой переносицу своего мальчишеского курносого носа с конопушками, сбегаящими на розовые щёки. — Ну, хорошо. Он вас толкнул первым. Дальше что было?

Этого Вадим вынести уже не мог. Ни слова больше не говоря, он провёл одновременно по корпусу и по голове Егора серию мощнейших ударов. И бил так, как, наверное, никогда и никого в своей жизни не бил. Хотя как боксёр Вадим провёл на ринге десятки боёв, он не помнил, чтобы от его ударов кто-то взлетал на воздух. А здесь именно так и произошло: от завершающего апперкота в челюсть, в который Вадим вместили всю свою ненависть к этому недочеловеку, ноги Егора оторвались от пола, и он, лязгнув зубами, улетел спиной вперёд в раскрытую дверь гостиной и грузно обрушился там на ковёр. И остался лежать неподвижным.

Тяжело отдуваясь, Вадим хотел было уже уйти из этой проклятой квартиры, но вспомнил про Мурзика. Погибшего котёнка тут оставлять, конечно, было нельзя: эта сволочь, когда очухается, просто выкинет его на помойку. Сам Вадим похоронить его по-человечески просто уже не успеет, до автобуса в Щербакуль оставалось всего с полчаса, поэтому он решил попросить упокоить котёнка ожидающегося его на улице шофёра. Митрохин мужик душевный, всё поймёт и делает как надо.

Вадим подобрал Мурзика, мельком, через плечо, посмотрел на валяющегося на полу Буртасова — тот должен был уже прийти в себя. Но Егор

продолжал лежать в той же позе—на спине, широко разбросав руки и ноги, Это не понравилось Вадиму.

«Как бы этот козёл ненароком ласты не склеил»,— с некоторой тревогой подумал он. И, подойдя к Буртасову, носком туфли потыкал его ногу:— Ну ты, слабак, кончай придуриваться, вставай давай!

Буртасов никак не реагировал. Вадим перепугался не на шутку. Он опустился на колени, приложил ухо к груди Егора. И тут же услышал не только его учащённое сердцебиение, но и какой-то странный металлический щелчок, и затем почувствовал резкую боль у себя в левом боку.

Ничего не понимая, Вадим резко отпрянул от Егора, вскочил на ноги. И вовремя, потому что Егор приподнялся с пола и снова взмахнул рукой с зажатым в ней ножом с выкидным лезвием, щелчок которого и услышал перед первым ударом Вадим. В этот раз лезвие лишь пропоролло ему куртку. Да, не зря всё же про этого ублюдка говорили, что он всегда ходит с «пером».

— Убью, сука!— прошипел Буртасов, в третий раз и всё так же сидя на полу замахаясь ножом.

Вадим сильно пнул по его руке, и нож с лязгом улетел под стоящий рядом стол. Егор резко повернулся и потянулся за своим оружием. Вадим не стал дожидаться, пока он доберётся до ножа, и прыгнул ему на спину. Он обхватил голову хрипящего от ярости противника и резко вывернул её набок, и тело Буртасова обмякло под руками Вадима.— Вот так-то,— прошептал Вадим, вставая на ноги.

Внезапно перед глазами у него всё поплыло, и он, теряя сознание, свалился на пол рядом со своим врагом. А неподалёку от них лежало тельце котёнка Мурзика, ставшего невольным виновником этой драмы...

— Ну а дальше вы всё знаете.

Вадим потянулся за соком, лейтенант, снова теряя халат, опередил его и протянул пакет. Вадим отвинтил крышку и отпил несколько глотков прямо из горлышка.

— Нас нашла прибежавшая на шум соседка Буртасовых. Она-то и вызвала милицию и скорую. Что теперь будет, това... гражданин следователь?— Ну что уж так-то сразу: «гражданин следователь!»— почти смущённо пробормотал Захаринский, захлопывая свой блокнот.

Он явно проникся сочувствием к своему подследственному по только что открытому уголовному делу, которое лейтенант для себя окрестил «Дело Мурзика».

— Идёт следствие, оно всё и расставит на свои места. Лично от себя могу сказать, что тут всё, конечно, неоднозначно. Есть и несанкционированное проникновение в чужое жилище, но есть и веский мотив для этого— убийство вашего бедного

котёнка. Конечно, свидетелей этому не было, но мы нашли в трещине рифлёной подошвы ботинка Буртасова и остатки следов крови, и несколько волосков Мурзика. Есть и самооборона. Но есть и превышение пределов этой самообороны. Аффект опять же, я так думаю, имел место быть. Ваше счастье, что шея у этого Буртасова оказалась бычьей и он остался жить. Правда, я бы никому такой жизни не пожелал: лежит бревном, ни рукой, ни ногой шевельнуть не может и только мычит. Видите, как много я вам выдал служебной информации, хотя и не должен был этого делать. Ладно, Вадим Николаевич, выздоравливайте. Мы ещё продолжим наше общение. До свидания!

Он пожал руку Вадиму и направился к двери.— Скажите, товарищ лейтенант, а вы встречались с женой Буртасова?— задал ему уже в спину вопрос Вадим.— Как она?

Следователь остановился, обернулся. И развёл руками:

— Ну что— жена? Плачет, конечно. Но вас не прокликает, если именно это вас интересует. Говорит, рано или поздно что-то подобное должно было произойти. Уж очень жестоким человеком он оказался. Вот так вот. Ну, я пошёл.

И он осторожно прикрыл за собой дверь больной палаты...

Птичку жалко...

В спальне на подоконнике (разумеется, с наружной стороны) мы с женой устроили для птиц столовую: высыпаем в коробочку на карнизе семечки, какие-то крупы. И хотя квартира наша расположена довольно высоко— на десятом этаже, пичуги быстро распознали, где им можно подкрепиться, и стали и группками, и по одной наведываться к нам. Это и воробушки, и синички.

А с недавних пор повадился прилетать и снегирь. Он всегда бывает один, и мы предположили, что это один и тот же. Хитрец, никому из своих собратьев не рассказывает, где нашёл такое «хлебное» место, и единолично пользуется им.

Мы его полюбили за то, что он, в отличие от пуливых воробышков и синичек, даёт нам полюбоваться собой. И пока мы разглядываем его, розовогрудого, через оконное стекло и между нами всего сантиметров десять, он преспокойно лушит семечки и не улетает, пока не насытится. Но время от времени косится на нас своими бусинками глаз: не причиним ли мы ему какого вреда?

Мы-то нет, но вот наш кот Тёмка— тот с ума сходит оттого, что мы не даём ему заскочить на подоконник и перепугать своими горящими кровавыми глазами беспечно кушающую пичугу. Он пытается вывернуться из моих или Светкиных рук, царапается, кусается и даже, зверюга, шипит на нас!

Но мы упорно удерживаем его или вообще уходим из спальни и закрываем за собой дверь— пусть

пичуги покорятся спокойно! Сытым зимовать-то куда проще. И как бы Тёмка ни рычал и ни шипел, он их не достанет. А какую опасность для птичек представляют кошки—я мог неоднократно убедиться собственными глазами.

В Туре, где мы работали в редакции окружной газеты, при типографии жила на вольных хлебах кошка Маруся. Питалась тем, что приносили полиграфисты и журналисты, но и мышами, понятно, не брезговала—здание типографии было старое, деревянное, и под полом водилось немало всякой живности. А когда у Маруси появились котятка, корму, ей, естественно, понадобилось больше.

Не сказать, чтобы кошка жила впроголодь, миска её никогда не пустовала, но при этом она всегда старалась изловить и какую-нибудь дичь. Видимо, на время материнства у Маруськи обострились охотничьи инстинкты, или она делала это, чтобы, слопав свою добычу, затем с материнским молоком доставлять своим котяткам свежайшие полезные вещества.

И однажды я, выйдя покурить на крыльцо редакции, увидел, как Маруся, буквально вылетев из зарослей палисадника сверху, на лету изловила какую-то пичугу и рухнула с ней, зажатой в зубах, обратно в траву.

Наверное, мне не надо было мешать кошке. Но очень жалко стало птичку (не воробей, не синица, а вообще непонятно какая, крохотная такая, изящная пичуга). И я сам, как кошка, прыгнул с крыльца в палисадник и успел схватить злобно зашипевшую на меня Марусю.

И хотя эта зверюга здорово меня оцарапала, я сумел вынуть у неё из пасти эту пичугу. К счастью, она была жива и молча открывала и закрывала клювик, и пальцами руки я ощущал частое-частое биение её крохотного перепутанного сердечка.

Маруся ушла, изредка оборачиваясь и одаривая меня недобрый взглядом.

—Иди, иди!—проворчал я.—Мышей вон лови! А то, ишь, летать вздумала!

В редакции я нашёл небольшую картонку и посадил в неё спасённую птичку. Она держалась на ножках, но пошатывалась и то садилась на хвостик, то попеременно опиралась на крылышки, глазки её были полуприкрыты. Оказалась она даже меньше воробья, неброской такой зеленоватой окраски,—уже позже выяснил, что это была пеночка.

Увы, пеночка прожила всего несколько часов, не пила даже предложенной ей воды и навсегда замерла на дне картонной коробки лапкамиверху, с судорожно сжатыми в кулачки крохотными пальчиками...

Проклиная кровожадную Маруську, я в этой же коробочке и закопал скончавшуюся—видимо, от ран, нанесённых кошачьими когтями, хотя следов крови не увидел,—пичугу там же, в палисаднике.

А вот ещё одну птицу, более крупную, нам с женой не так давно точно удалось спасти от верной гибели в кошачьих цепких лапах. Дело было на Крите. Мы только устроились в курортном отеле в Амударе, возвращались в свой отель с прогулки. И тут услышали отчаянный крик, непонятно кем издаваемый.

Доносился он из-за проволочной сетчатой изгороди, за которой буйствовала всякая зелень—из известного мне распознал только помидоры да высокие кукурузные стебли. Рядом с нашим отелем, как узнали мы позже, расположились частная вилла местного жителя-критянина и его огород.

Я присмотрелся и увидел, как среди этих помидорных кустов с багровыми плодами идёт борьба не на жизнь, а на смерть: из лап худой рыжей кошки, хлопая крыльями и издавая резкие жалобные крики, пытается вырваться довольно крупная, размером почти с нашу галку, тёмная желтоклювая птица.

И здесь мы также не смогли остаться в стороне, а оба начали громко кричать на кошку, со звоном трясти проволочную сетку изгороди. Хорошо, хозяев рядом не было, а то бы нарвались на международный конфликт. Но поднятый нами шум возымел своё действие: кошка испугалась и, выпустив свою трепыхающуюся добычу из когтей, скрылась в зарослях.

А спасённая нами птица тут же подскочила кверху и полетела прочь, время от времени как бы проваливаясь вниз: похоже, что кошка всё же здорово помяла её. Уже потом, дома, с помощью Интернета я выяснил, что это был европейский чёрный дрозд.

На Крите я его увидел впервые. На другое лето мы поехали отдыхать на чешский курорт Подебрады. Наш отель находился с краю великолепного парка с десятками видов самых разных деревьев и кустарников. И вот там я опять увидел дрозда, причём очень близко: шёл в бассейн по переходу со стеклянными стенами, и за стеклом, всего в паре метров от меня, под небольшим кипарисовым деревцем с низко нависшими тёмно-зелёными хвойными лапами сидел он, дрозд.

Почему-то один, в блестящем тёмном оперении, с жёлтым клювом и внимательными, насторожёнными тёмными глазами в жёлтых же ободках. На улице моросил дождь, вот он, видимо, от него и спрятался сюда.

Я осторожно подошёл вплотную к стеклу, не в силах оторвать глаз от птицы. Дрозд этот не был красавцем, нет, но что-то было в нём, которого я впервые в жизни рассматривал так близко, притягивающее, чуть ли не колдовское...

Впрочем, это я, похоже, сам себе нафантазировал. Птица как птица. Тем более что дрозд, поняв, что привлёк к себе внимание человека за стеклом, поспешно убежал—именно убежал,

а не улетел,— по мокрой траве под другой кипарис, стоящий поодаль.

А потом мы каждый вечер ходили с женой в парк, чтобы слушать пение дроздов. Среди многоголового щебета, свиста, замысловатых рулад других птиц голоса дроздов выделялись особо. Они не пели, они переговаривались между собой, сидя в траве или в ветвях деревьев, причём голосами такими мелодичными, что их хотелось слушать и слушать.

Но всё же давайте вернёмся ко мне домой. Я открыл дверь спальни, и, опережая меня, в комнату тут же юркнул Тёма и с ходу заскочил на подоконник.

А вот фигурки тебе, котяра: птицы, кто бы из них ни был сегодня—снегири, синицы или воробьи,— всё уже съели на подоконнике и улетели по своим делам. Так что никого тебе, Тёма, больше напугать сегодня не удастся!